
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ПРАВОВАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ИДЕАЛЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА:
О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ, ЮРИДИЧЕСКИХ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ КОНЦЕПЦИИ

© 2014 г. Сергей Герасимович Павликов¹

Краткая аннотация: предпринята попытка аргументировать суждение о том, что к идеалу правового государства наиболее приближено государство с высоким уровнем развития экономики, где законы не носят декларативный характер, а соответствуют уровню развития общественных отношений. Гипертрофирование роли права, характерное для многих, прежде всего развивающихся, стран, – столь же спорное явление, равно как и умаление его роли.

Annotation: attempt to justify the judgment that to the ideal of a legal state, the most approximated by a state with a high level of economic development, where the laws are not of a declaratory nature and correspond to the level of development of public relations. Inflating the role of law, characteristic for many, primarily developing countries, equally controversial phenomenon, as well as impairing its role.

Ключевые слова: конституция, правовое государство, государство, право, общество, закон, власть, норма, воля, теория, экономика.

Key words: the Constitution, rule of law state, the state, law, society, law, power, norm, will, theory, and Economics.

Конституция РФ (ст. 2) характеризует Российское государство как правовое. Однако большинство российских конституционалистов, включая автора статьи, полагают, что это не констатация реально сложившейся “правовой государственности”, а норма – цель, норма – “идеал” и ориентир для страны и общества. Такой научный подход является объективным при характеристике основ конституционного строя страны. Если исходить из обратного, т.е. утверждать, что декларирование конституционных ценностей незамедлительно и кардинально изменяет общественные отношения, то неизбежно умаление роли права, авторитета конституционных норм.

В истории немало примеров “конституционно-самопровозглашения” правовой государственности (в фашистской Германии, странах – союзниках рейха и т.п.), что, разумеется, не изменяло их тоталитарной сущности. Так, современник антигуманных режимов Ф. Кафка иронизировал по этому поводу, описывая человека, вовлеченного в фарс “правового” судебного процесса: “ведь К. живет в правовом государстве, всюду царит мир, все законы незыблемы, кто же смеет нападать на него в его собственном жилище...”².

Негативное отношение к анализируемому феномену высказывали и представители советского государства. А.Я. Вышинский весьма эмоционально замечал: “Это хваленое правовое государство – олицетворение такого же по существу кулачного права, но только более утонченного”³. Фактически аналогичную позицию занимали и те исследователи, которые утверждали, что “правовое государство – это мираж, но мираж весьма удобный для буржуазии, потому что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию, он закрывает от масс факт господства буржуазии”⁴.

В Советском Союзе доминировало мнение о том, что “марксистское правоведение не поддерживает буржуазной теории “правового государства”, согласно которой право стоит выше государственной воли, определяет ее содержание. Эта теория... не отвечает реальному положению вещей, она маскирует классовую сущность права и государства”⁵. В обществе “построения коммунизма” правовая государственность трактовалась как главенство в жизни общества государственного закона: “в правовом государстве должен

¹ Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор.

² Кафка Ф. Процесс. М., 1977. С. 17.

³ Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. С. 6, 7.

⁴ Паишуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избр. произведения общей теории права и государства. М., 1986. С. 34.

⁵ Кудрявцев В.Н. Основной закон общенародного государства // Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 34.

властвовать прежде всего *закон*”⁶. Процесс “реализации линии” на создание социалистического *правового государства* – это “утверждение верховенства *закона*, укрепления правовой защищенности человека”⁷. В целом на советском этапе развития отечественного *государства* господствовала позиция, согласно которой “*теория правового государства* – это *теория буржуазно-либеральная*, она прикрывает классовую сущность буржуазного *государства и права*”⁸.

Фактически только с началом так называемой перестройки представление о *правовом государстве* стало трансформироваться. “Главное для характеристики *правового государства* состоит в том, – отмечал М.С. Горбачев, – чтобы на деле обеспечить верховенство *закона*... Как граждане несут ответственность перед своим общенародным *государством*, так и государственная *власть* несет ответственность перед гражданами”⁹.

В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС, посвященной задачам политических и правовых реформ, было отмечено, что “социалистическое *правовое государство* – полностью соответствующая социализму форма организации политической *власти*”; формирование его должно было подразумевать ряд целей: 1) максимальная обеспеченность конституционных прав и свобод; 2) ответственность *государства* перед гражданином и гражданина перед *государством*; 3) повышение авторитета *закона*, в том числе перед политическими партиями; 4) эффективная работа правоохранительных органов; перестройка правового воспитания населения¹⁰.

Впрочем, у представителей современного юридического сообщества не вызывают особенного интереса взгляды на *правовое государство* советских ученых; некоторые авторы связывают это с “подменой конституционных аспектов разделения властей, народоправства, верховенства *закона* эклектическими категориями “пролетарская демократия” и “революционная законность”¹¹. Приня-

то считать, что идея *правового государства* после 1917 г. была отвергнута марксистско-ленинской догматикой на фоне теоретических разработок модели будущего социалистического *государства и права*. Это суждение представляется многим ученым, включая и автора данной работы, небесспорным. Более обоснованным представляется вывод о том, что хотя внимание к проблематике *правового государства* в значительной мере было ослаблено, но в переходный период советскому *государству* требовалась поддержка широких слоев населения, поэтому происходило заимствование традиционных либерально-демократических концепций *государства* и гарантий реализации прав и свобод граждан¹². Разработанная на основе учений И. Канта и его последователей (К. Велькера, Ф. Гнейста, Ф. Шталя) концепция *правового государства* была приспособлена к новым административно-командным методам работы органов государственной *власти*¹³.

Здесь уместно вспомнить утверждение М.Н. Марченко о том, что “если движение к правовой государственности – это борьба за демократизацию и за *право*, то нет смысла и необходимости опережать события, при анализе сущности социалистического *государства* не стоит выдавать желаемое за действительное, надо учесть прошлые ошибки, в том числе о связи партии и государственных органов, добиться, чтобы перечень признаков социалистического *правового государства* вырос из реальной жизни”¹⁴. В терминальный для советской *власти* период этот ученый также писал о том, что не стоит “копировать и конструкции правовой государственности как связанной *правом*, ведь они возникли, отражая буржуазное *право* и, следовательно, “буржуазную” связанность *правом*”¹⁵.

Думается, трудно предположить возможность реального создания социалистического *правового государства*, тем более учитывая “все нюансы его развития и функционирования”¹⁶. Возможно ли, что более реальным было приближение к идеалам

⁶ См.: Лукьянов А.И. Выступление на встрече с избирателями г. Смоленска // Известия. 1989. 5 марта.

⁷ См.: Медведев В.А. Ленинизм и перестройка: за реализм и творчество // Там же. 1989. 22 апр.

⁸ Грязин И.Н. Правовое государство // Новый мир. 1988. № 8. С. 266–271.

⁹ Горбачев М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки // Избр. речи и статьи. Т. 7. М., 1989. С. 374.

¹⁰ См.: XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. В 2-х т. Т.2. М., 1988. С. 139, 140, 174.

¹¹ См. подробнее: Вышковарцев В.В. Правовое государство в трудах советских юристов 20 – 30-х годов XX века // Росс. юрид. журнал. 2012. № 2. С. 46–48.

¹² См.: Бойцова В.В. Идея правового государства в трудах русских юристов: административно-правовой аспект // Правоведение. 1991. № 3. С. 65; Кузнецов Э.В., Савельев В.Ф. Правовое государство: из истории русской правовой мысли // Там же. № 1. С. 53.

¹³ См.: Вышковарцев В.В. Указ. соч. С. 49, 50.

¹⁴ См.: Марченко М.Н. Социалистическое правовое государство: каким ему быть? // Сов. юстиция. 1989. № 5. С. 2, 3.

¹⁵ См.: Марченко М.Н. От теории правового государства к теории социалистического правового государства // Соц. законность. 1988. № 12. С. 25.

¹⁶ См.: Марченко М.Н. К новому качеству политической системы советского государства // Вестник МГУ. Сер. 11. “Право”. 1989. № 1. С. 10.

правового государства до прихода к власти большевиков? Так, на рубеже 60–70-х годов XIX в. изданные переводы германских классических работ по государственному праву (Р. Моля, И. Блунчли и др.) едва ли не впервые дали примеры употребления термина “правовое государство”, равно как и общей разработки идеи о “правовом государственном устройстве”¹⁷. Конечно, на этом этапе терминология еще не была устойчивой. Так, например, В.Н. Безобразов пользовался сочетанием “правомерное государство” и т.д.¹⁸

Как полагает О.А. Омельченко, идея о правовом по своему существу государстве представлялась русскому государствоведению второй половины XIX в. частности, не заслуживающей особого внимания. Такое положение было предопределено главенством политико-правовой теории Гегеля и традицией гегельянства в российской философии права¹⁹. Показательно, например, неприятие начал “право-государственной конструкции” Б.Н. Чичериним²⁰.

Более активно концепция правового государства развивается на рубеже XIX–XX вв.²¹ “Одновременно, – пишет О.А. Омельченко, – произошел методологический переворот к теории естественного права и неокантианской правовой философии... Идея правового государства была затребована российской правовой наукой в атмосфере общественно-политических дискуссий, сопровождавших канун, а затем свержение и конец первой русской революции, в атмосфере дискуссий о государственном переустройстве на конституционно-парламентской основе. И это не могло не внести в представление об идеале право-государственных установлений некоторых особенностей”²².

На данном историческом этапе П.А. Палиенко в работе “Правовое государство и конституционализм” утверждал, что “правовым... называем государство, которое в своей деятельности, в осуществлении правительственной и судебной функций

связано и ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним”²³. По мнению В.М. Гессена, “правовое государство предполагает господство права во всех сферах государственной жизни; оно отрицает всякий абсолютизм и произвол власти и бесправие подвластных, притом не только в области частных отношений, но и в области политической, в отношениях граждан к государственной власти”²⁴.

“Правовое государство характеризуется тем, – справедливо замечал А.С. Алексеев, – что в нем господствует закон не только в смысле общих правил, которые в силу этой своей общности носят в себе гарантии устойчивости и равного, а потому и справедливого, и нелицеприятного ко всем отношениям, но и в смысле норм, выражающих правовые представления народа и отвечающих на общие запросы и нужды страны”²⁵. Для конституционалистов важно, что согласно его позиции “правовым... является государство, осуществляющее в своей организации начала обособления властей. Осуществление этого начала возможно не иначе как в условиях представительной формы правления. Правовое и конституционное государство синонимы”²⁶.

В понимании П.И. Новгородцева правовое государство – идеал новой политической философии и правовой мысли²⁷. По его мнению, “все движение правовой истории (включая историю идей и институтов) новых европейских государств ведет, как к непреложному закону, к идеалу правового государства”²⁸. Н.П. Невзоров утверждал, что “идеалом всякого правового государства является создание таких условий, при которых каждый член общезжития получал бы наиболее полное удовлетворение своих потребностей с тем, чтобы не пострадали интересы самого союза, взятого как целое”²⁹.

¹⁷ См.: Блунчли И.К. Общее государственное право. Т. 1. М., 1865. С. 61, 62; Моль Р. Энциклопедия государственных наук. СПб., 1868.

¹⁸ См.: Безобразов В.Н. Государство и общество. Статьи. СПб., 1881. С. 229.

¹⁹ См.: Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. М., 1994. С. 56.

²⁰ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. ч. 1. М., 1984. С. 3.

²¹ См. подробнее: Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига, 1983. С. 101–108.; Скакун О.Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Сов. гос. и право. 1999. № 2. С. 113 – 131.

²² См.: Омельченко О.А. Указ. соч. С. 59.

²³ См.: Палиенко П.А. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. Кн. 1. 1906. С. 148.

²⁴ См.: Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т.1. СПб., 1905. С. 132; Его же. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 66.

²⁵ См.: Алексеев А.С. Учение о главе государства и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 342.

²⁶ Алексеев А.С. Начала верховенства права в современном государстве // Вопросы права. 1910. № 2. С. 13; см. также: Невзоров Н.П. По пути к правовому государству (Конституционные проекты и попытки в русской истории). М., 1913. С. 8.

²⁷ См.: Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1912. С. 12.

²⁸ См.: Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Учения Нового времени. Изд. 2-е. М., 1912. С. 3.

²⁹ См.: Невзоров Н.П. Указ. соч. С. 8.

Нельзя не отметить вклад в формирование концепции *правового государства* и других дореволюционных исследователей. Так, С.А. Котляревский в 1915 г. публикует свою фундаментальную работу “*Власть и право. Проблема правового государства*”, где пишет, что идея господства *права* (*правового государства*) вошла в обиход цивилизованных обществ. Господство же *права* представляет собой не столько “единообразное поступательное движение учреждений и идей, сколько некий постоянный ритм принципа господства и противоположных ему принципов”³⁰. С.А. Котляревский в качестве исходных компонентов своих рассуждений о *правовом государстве* утверждал, что *власть* – это система юридических норм, “на коих держатся и по коим действуют государственные учреждения”³¹. Устойчивыми элементами государственного строя являются, по его мнению, “материальное *право* и текущая государственная деятельность”³².

Нетрудно заметить в этих подходах определенную формализацию атрибутов *правового государства*. В таком контексте не могут не вызвать интереса те научные подходы, которые обусловлены наличием даже определенной настороженности к идеализации анализируемой концепции. “Если отойти от чисто догматической абсолютизации придуманной возможности самоограничения *власти* ее же *законом*, если учесть реальности политики любой *власти*, – отмечал М.А. Рейснер, – нельзя увидеть существенных различий между деспотией и сконструированным таким образом “*правовым государством*” – и деспотия может обладать своеобразным правовым строем и даже конституцией”³³.

На современном историческом этапе, как считают некоторые авторы, “принципиальные теоретические вопросы и практические проблемы построения *правового государства*, в их современном прочтении в целом не отличающиеся от времени возникновения самой идеи такого *государства*, являются предметом множества научных исследований и политических полемик”³⁴. Основная причина такого внимания к *правовому государству* заключается не только в гуманизме самой идеи его возникновения, но и в поисках

путей ее наиболее адекватного оформления и эффективного осуществления³⁵.

Многие известные конституционалисты высказывались по данному вопросу весьма откровенно. “Честно говоря, – отмечал О.Е. Кутафин, – мы никогда не были так далеки от *правового государства*, как сейчас... У нас пока не верят в *законы* и не уважают их. Поэтому следует последовательно утверждать господство *права*, результатом которого является *правовое государство*”³⁶. Именно такой подход к проблеме становления России как *правового государства* представляется, как уже отмечалось, корректным: нельзя констатировать наличие такого *государства*, “аргументируя” это ссылками на Российскую Конституцию, но необходимо активно формировать такой тип государственности. Очевидно, что наиболее трудный вопрос связан с разработкой конкретных способов достижения этой задачи.

На первый взгляд, юристу представляется единственно возможным искать эти способы в правовом “пространстве” (хотя вряд ли возможен изолированный анализ правовых, и прежде всего экономических, процессов). Так, многие конституционалисты убеждены, что в *правовом государстве* по самому его определению необходимо правовое решение любой задачи, и “требуется малая толика усилий – готовность каждого гражданина и самого *государства*. К великому сожалению, несмотря на значительный арсенал средств, которыми российские граждане могут воспользоваться для защиты своих прав, востребованы они далеко не в полной мере, а *государство* медленно устанавливает четкие процедуры такой защиты”³⁷. По мнению В.Ф. Яковлева, *правовое государство* – это *государство*, где “правит закон: упорное и последовательное строительство *правового государства* – единственно возможный путь спасения *общества*, выхода страны из кризисного состояния”³⁸.

Безусловно, степень реальной защищенности прав и свобод человека и гражданина – наиболее важный, наиболее верный ориентир и показатель подлинного (а не декларативного, мнимого) движения на пути построения *правового государства*. Однако и этот ориентир нуждается в детализации. В актуальной юридической литературе

³⁰ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., СПб., 2001. С. 15, 16.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См.: Рейснер М.А. Что такое правовое государство // Вестник права. Кн. 4. 1903. С. 72.

³⁴ Матевосова Е.К. Значение правового воспитания в условиях построения правового государства // Юридическое образование и наука. 2012. № 2. С. 30 – 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Кутафин О.Е. LEX RUSSICA. 2004. № 2. С. 377.

³⁷ Добрынин Н.М. Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 2–7.

³⁸ См. подробнее: Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М., 2012.

появляются небезыңтересные предложения. Так, О.В. Ралько, как думается, не без оснований утверждает, что в современных условиях глобализации и универсализации правовой формы, активизации попыток обосновать возможность “законно” и “конституционно” умалить права и свободы человека и гражданина, *правовое государство* должно базироваться на учении о правовом законе, который представляет собой совокупность нормативных положений, наиболее адекватно отвечающих представлениям о справедливости и свободе, причем (в идеале) не в отдельно взятом *государстве*, а в объединении взаимодействующих между собой суверенных стран³⁹. Одним из наиболее важных признаков правового закона является, по ее мнению, социально-правовая справедливость, базирующаяся на постулатах равенства всех людей и примата их прав и свобод над любыми другими ценностями⁴⁰.

К сожалению, процесс интеграции современных *государств* реализуется не столь эффективно, как этого хотелось бы (прежде всего это очевидно на примере развития Европейского Союза)⁴¹. Более реалистичным, по крайней мере в ближайшей перспективе, будет формирование режима правовой государственности в отдельно взятой стране, в том числе на основе “гибкой” реализации норм Конституции РФ. Этот процесс *судебного контроля*, осуществляемый прежде всего Конституционным Судом РФ, с одной стороны, позволяет обеспечивать права и свободы человека как высшую ценность путем “конституционного аннулирования” тех нормативных правовых актов, которые фактически искажают требование о том, что “права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием” (ст. 18 Конституции РФ). С другой стороны, за подобным процессом необходим контроль, который всегда актуален, ибо реализации норм Конституции РФ базируется и в *правовом государстве* на властных началах, а история, к сожалению, изобилует здесь негативными примерами злоупотреблений. Как писал еще Н. Макиавелли, “о действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи

стараятся сохранить *власть* и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом. В мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит *государство*”⁴².

Сами эти “государи” также утверждали, что “отмирание *государства* придет не через ослабление государственной *власти*, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки отмирающих классов”⁴³. Тем более негативный характер такое искажение сущности *власти* приобретает в силу справедливости утверждения о том, что “случайность, миллионы случайностей дают *власть*”⁴⁴.

Проблема *власти* является одной из центральных в юридической науке⁴⁵. Так, исследователи замечают, что “парадокс *власти*, способной обраться для человека одновременно и целесообразной силой, и злой волей, во все времена занимал умы философов и писателей. Аристотель и Шекспир, Гете и Гегель, Ницше и Достоевский, Фуко и Кафка в философских категориях или в художественных образах пытались приоткрыть завесу над этим далеко еще не познанным феноменом жизни *общества* и человека. Человечество имеет давнюю традицию разрешения коллизии *власти и права, государства и личности*. Первые попытки разобраться в парадоксах и механизмах *власти* были предприняты еще в ранний период политической истории Индии, Китая и Греции”⁴⁶. Античные мыслители полагали, что *власть* (прежде всего государственная) должна основываться на *праве*, а *право*, по Аристотелю, есть олицетворение справедливости. Любая *власть*, отрицающая *право*, – это *власть*, не знающая меры, и поэтому *власть* произвольная, деспотическая. Ведь только *право* может дать меру *власти* и меру подчинения ей. *Государство*, не основанное на *праве* и *законе*, – извращенная, неправильная форма, даже если в этом *государстве* правит большинство народа. “Там, где отсутствует *власть закона*, нет и государственного устройства”, – считал Аристотель⁴⁷.

⁴² Макиавелли Н. Государь // Пер. с итал. СПб., 2011. С. 101.

⁴³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 211, 212.

⁴⁴ См.: Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1945. С. 640.

⁴⁵ Баев В.Г., Пугина О.А. Власть как юридическая категория: интерпретация власти в правовой науке // Росс. юстиция. 2012. № 2. С. 41, 42.

⁴⁶ Нарыкова С.П. Власть как объект теоретико-правового исследования // Общество и право. 2011. № 5. С. 27–31.

⁴⁷ Цит. по: Трынкин В.В. Архитектоника власти или о том, как избежать государственной близорукости. Н. Новгород, 1993. С. 50.

³⁹ См.: Ралько О.В. Концепция правового государства и ее реализация в России: историко-теоретические аспекты. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12.

⁴⁰ См.: там же.

⁴¹ См. подробнее: Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Правовая система Европейского Союза. М., 2012.

Проблематика *власти* исследовалась многими известными учеными-политологами и правоведами⁴⁸. Свою лепту внесли в этот процесс и писатели, философы. Так, Л.Н. Толстой отмечал, что “*власть* есть совокупность воли масс, перенесенная выраженным или молчаливым согласием на избранных массами правителей”⁴⁹; “отношение лиц приказывающих к тем, которым они приказывают, и составляет сущность понятия, называемого *властью*”⁵⁰. По его мнению, “*власть* есть такое отношение известного лица к другим лицам, в котором лицо это тем менее принимает участие в действии, тем более оно выражает мнений, предположений и оправданий совершающегося совокупного действия”⁵¹.

Уяснение сущности и механизма *власти* имеет важное значение для понимания природы политики и *правового государства*, позволяет выделить политические отношения из всей сферы общественных отношений. Н.М. Коркунов определял государственную *власть* как силу, обусловленную осознанием гражданами их зависимости от *государства*, порождающую в общественной жизни своеобразные явления двоякого рода⁵². Во-первых, она принуждает граждан совершать то, что они считают необходимым для *государства*, от которого сознают себя зависимыми. Во-вторых, граждане подчиняются велениям отдельных лиц, признаваемых органами государственной *власти*. Сущность взгляда Н.М. Коркунова сводится к тому, что *власть* не является единой властвующей в *государстве* волей⁵³. Она вообще есть проявление воли, так как властвовать может не только живой человек или группа лиц, но и умершие, отвлеченные идеи⁵⁴.

Заслуживает уважения позиция, согласно которой *государство*, *власть* и *право* должны базироваться не на силе приказа и угрозы, а на духовном авторитете. В этом контексте “*власть* – тонкое искусство; она должна обладать душевно-духовной прозорливостью, способностью понимать жизнь людей, умением ее воспитывать, власт-

вующий должен не только хотеть и решать, но и других “систематически приводить к согласному хотению и решению”; поэтому, подчеркивал И.А. Ильин, подлинная основа *власти* – нравственно-религиозная⁵⁵.

Власть придает обществу “целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и порядка. Иными словами, это системообразующий элемент, обеспечивающий *обществу* жизнеспособность. *Власть* позволяет управлять, принимать *законы* и другие нормативные правовые акты, предназначенные для урегулирования отношений как в самом *государстве*, так и на международном уровне, обеспечивает свободу и равноправие граждан. Несмотря на то что *власть* “рассматривается в любой науке, так или иначе связанной с *обществом*, она до сих пор остается нераспутанным “клубком”, перемешавшим в себе массы социальных значений и понятий. Очевидно, что забыть, обойти это явление в исследовательской практике невозможно, ибо *власть* является опорой всех социальных отношений”⁵⁶.

Итак, нельзя реализовать концепцию *правового государства* там, где “*власть* беспokoйна, ненадежна”⁵⁷; иными словами – там, где политический режим нестабилен, а сменяющие друг друга властные группировки искажают саму концепцию *права*, в том числе расправляясь с неугодными им лицами “правовыми” средствами.

В этом плане “*власть* и авторитет – не равнозначные понятия. Осуществление авторитета всегда основано на *норме*, на ценности, на общих принципах, в то время как инициатива *власти* опирается на ее собственную *волю*. *Власть* не присваивает себе функцию авторитета: она ограничивается тем, что обозначает его место. *Власть* – это то, что может, а авторитет – то, что позволяет. Одна берет на себя инициативу и реализует действие, другой – утверждает определенные стереотипы. Признание народом авторитета *власти* необходимо для ее сохранения, укрепления. Таким образом, авторитет представляет собой добровольно признанную *власть*”⁵⁸.

Процесс умаления авторитета *власти*, в конечном счете негативно сказывающийся и на идее *правового государства*, имеет длительную историческую ретроспективу. Ф.М. Достоевский

⁴⁸ См., например: Ильин М.В., Мельвил А.Ю. Власть // Полис. 1997. № 6. С. 146 – 163; Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. М., 1997. С. 36; Чиркин В.Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 16; Шабо Ж.Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 3. С. 123–127.

⁴⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1945. С. 671.

⁵⁰ Там же. С. 677.

⁵¹ Там же. С. 678.

⁵² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 243.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Цит. по: Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. III. Политическая мысль России: вторая половина XIX–XX в. М., 1997. С. 663.

⁵⁶ Баев В.Г., Пугина О.А. Указ. соч. С. 41, 42.

⁵⁷ Толстой А.Н. Петр Первый. Краснодар, 1987. С. 289.

⁵⁸ Красюкова (Рябцева) Е.В. Этнос судебной власти // Росс. судья. 2007. № 8. С. 33.

писал: “Кто испытал раз эту *власть*, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человека, так же созданного, брата по закону Христову; кто испытал *власть* и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка... Самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и *власть* пьянят: развиваются за grubелость, разврат; уму, чувству становятся доступны, наконец, сладки самые ненормальные явления...”⁵⁹. Ему вторит и А.П. Чехов, когда пишет о том, что “люди... в силу привычки закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально; с этой стороны они ничем не отличаются от мужика, который на задворках режет баранов и телят и не замечает крови”⁶⁰. Такие деятели всегда “ловили рубли, кресты, чины и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости и только что замечали, что флюгер обратился в одну сторону, как все это трутневое население армии начинало дуть в ту же сторону”⁶¹. Даже великие личности признавались сами себе в том, что им “достается краснеть за воспоминания молодых лет... Оказалось, что от офицерских погон, всего-то два годика вздрагивавших, колыхавшихся на моих плечах, натряслось золотой ядовитой пылью мне в пустоту между ребрами... Когда нарядчик пошел вдоль строя выбрать глазами временных бригадиров – мое ничтожное сердце рвалось из-под шерстяной гимнастерки: меня! меня! меня назначь! Меня не назначали. Да зачем я этого и хотел? Только бы наделал еще позорных ошибок. О, как трудно отставать от *власти*...”⁶².

Автор статьи обращается как к юридической, так и к художественной литературе, ибо убежден, что не только усилиями юристов формируется реальный режим правовой государственности. Лишь на основе обобщения всего массива трудов по *праву, экономике, философии* можно развивать современную *теорию правового государства*. Как думается, эта *теория* приобретает возможность реального воплощения при совокупности следующих условий:

⁵⁹ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. СПб., 2012. С. 267.

⁶⁰ Чехов А. П. Рассказы. М., 1970. С. 316.

⁶¹ Толстой Л. Н. Война и мир. С. 344.

⁶² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1991. С. 490.

признания *обществом* и представителями *власти* необходимости формирования “*правового государства*” как в первую очередь средства усиления гарантий защищенности прав и свобод личности (а не для иных целей, одна из которых в настоящее время обусловлена концепцией “*сильного государства*”, “*государства власти*”);

минимизации негативных факторов, неизбежно присущих при принудительных властных элементах реализации любой концепции, в том числе *правового государства* (как думается, судебный, конституционный и независимый общественный контроль выступает одним из основных средств такой минимизации);

понимания “*права*” не как самодостаточной и “абсолютной” ценности, а как феномена, отвечающего интересам большинства при условии общественного контроля за процессом правотворчества.

Важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что *правовое государство* в принципе не может базироваться на режиме “господства” *закона*. Совокупность примата прав человека и примата *права* – более ценностные ориентиры на пути построения *правового государства*. Безусловно, уяснить признаки реальной, а не мнимой доминанты “*права*” в *государстве* непросто, равно как и провести четкую грань между такими феноменами, как “*власть*”, “*право власти*”, “*власть права*” и “*власть конституции*”. Исследователи утверждают, что *власть права* и *право власти* – явления реальные, представляющие собой два типа целостного функционирования *права и власти* как двух противоположностей, находящихся в состоянии постоянного взаимодействия⁶³. Причем, А.И. Хорошильцев полагает, что “*власть права* неоднозначна. По меньшей мере следует выделять собственную *власть права* и его заимствованную *власть*. Собственная *власть права* вытекает из самой его сущности и предназначения. Она несет потенциал эффективности, действительности *права*, осуществление которого в этом случае не требует дополнительных усилий. Для позитивного *права* в качестве заимствованной *власти* служит государственная *власть*. Позитивное *право* формируется и обеспечивается этой *властью*. Само понятие *права* с позиции позитивизма сводится к установлению этой *власти*”⁶⁴.

По справедливому мнению В.С. Нерсисянца, “в основе легистской (юридико-позитивистской)

⁶³ См.: Хорошильцев А. И. Власть права и власть Конституции // История государства и права. 2012. № 7. С. 9–12.

⁶⁴ Там же.

гносеологии лежит принцип признания (и знания) в качестве *права* лишь того, что является приказанием, принудительно-обязательным установлением официальной *власти*”⁶⁵. В начале 90-х годов XX в. усилиями В.С. Нерсесянца и его сторонников формируется либертарная концепция *права*, в которой обосновывается трактовка *права* как меры свободы, а правового *закона* – как единства правовой сущности (формального равенства) и правового явления (*закона*)⁶⁶. Отсюда – понимание единства *права и правового государства*⁶⁷.

Такое “очеловечение” *права*, как справедливо замечает Ю.А. Тихомиров, “нужно поддержать, но с некоторыми уточнениями. Ведь любое *государство* связано с *правом*, но не всякое *государство* является правовым. “Голый” нормативизм служит оболочкой поиска обязательной меры сочетания частных и публичных интересов, позволяющей гарантировать свободу человека и соблюдение интересов *общества и государства*. Иначе – конфликт, отчуждение людей от *права* и государственных институтов, традиционное для нашей страны “раздвоение” личности, ее внутренних нравственных духовных взглядов и оценок и внешне формальных оценок и действий. Не случайно такой феномен считают национальной моделью неправового *государства* и управления”⁶⁸.

По мнению указанного исследователя, *правовое государство* как модель организации *общества* характеризуют следующие признаки⁶⁹. Во-первых, *правовому государству* присуще признание верховенства *закона* в двояком смысле. С одной стороны, *конституция и закон* служат регулятором основ государственной и общественной жизни, статуса гражданина и человека⁷⁰. С другой – именно *закон* выступает первичной основой организации и функционирования всех государственных институтов. Во-вторых, *правовое государство* признает приоритет прав и законных интересов человека и гражданина и считает их непосредственно действующими⁷¹. В-третьих,

с *правовым государством* связано такое его устройство, при котором институты *власти* гарантируют обоснованные и справедливые решения в разных сферах и одновременно *права* граждан. В-четвертых, *правовое государство* характеризуется правильным сочетанием норм национального и международного *права*. Оно обеспечивает свой суверенитет и признает в определенных пределах приоритет международно-правовых принципов и норм⁷². В-пятых, глубокое проникновение идей *правового государства* в жизнь человека и *общества* означает признание и использование высоких принципов *права* и демократии. Речь идет о согласовании публичных и частных интересов, правовых границах деятельности, об ответственности за принятые решения и действия, о доступности *права*, повышении уровня правосознания граждан⁷³.

По мнению автора статьи, конституционная декларация правовой государственности (ст. 1 *Конституции РФ*) должна подкрепляться наличием соответствующего властного режима, характеризующегося следующими признаками:

высоким уровнем развития социально-экономических отношений, стабильной экономикой, ибо *право* никогда “не перепрыгивало” уровня развития производительных сил (как правило, в юридической литературе фактически тот же самый тезис выражается более корректно и констатируется “взаимосвязь экономико-правовых явлений”);

доминантой такой конституционно-правовой ценности, как *права* и свободы человека, разграничением концепций “сильного” и тоталитарного *государства*;

использованием на практике постулата о неотжественности “*права*” и “*закона*” в контексте наличия у первого феномена более широких возможностей “приспособляемости” к целям правовой государственности (например, из числа всех источников *права* в процессе судебного конституционного контроля выделяются акты, в наибольшей степени обеспечивающие *права* и свободы человека);

наличием институтов ограничения, контроля за имманентно присущими *праву* проявлениями “принудительности”, в числе которых судебный конституционный контроль, позволяющий аннулировать, признать неконституционными те властные предписания, которые не соответствуют идее реального народовластия и примату интересов ин-

⁶⁵ Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 1997. С. 65, 66.

⁶⁶ Тихомиров Ю.А. *Правовое государство: модели и реальность* // Журнал рос. права. 2011. № 12. С. 5–20.

⁶⁷ См.: *Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос.-прав. чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца* / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009.

⁶⁸ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 7, 8. См. также: Прохоров А.П. *Русская модель управления*. М., 2003.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. подробнее: Зорькин В.Д. *Россия и Конституция в XXI веке*. М., 2008.

⁷¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 8. См. также: *Правовые акты: оценка последствий*. Науч.-практ. пос. // Кашанин А.В., Тихомиров Ю.А., Третьяков С.В. и др. / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2011.

⁷² См.: там же.

⁷³ См.: там же.

дивида над государственными и даже “общественными” ценностями.

Как думается, перспективным направлением научных исследований является поиск наиболее эффективного взаимодействия “права” и “экономики”, ибо он способствует реализации на практике концепции *правового государства*. *Право* играет важную роль в регулировании *экономики*. Однако его роль (как роль *права* в целом) не может быть избыточной, равно как не может отсутствовать вовсе, ибо в последнем случае будет иметь место фактическое игнорирование институтов *государства и права*. Поиск баланса в этом процессе – одна из самых сложных, но и важнейших задач, стоящих в настоящее время перед научным сообществом. Стабильная *экономика* может рассматриваться в качестве важнейшей составляющей концепции *правового государства* по достаточно, как думается, очевидной причине. *Право* не может опережать уровень развития производительных сил, а *правовое государство* – это (в том числе) *государство* с высоким уровнем до-

ходов не “вообще”, а именно “на душу населения”. В *конституциях* развивающихся стран (стран “третьего мира”), характеризующихся зачастую массовым и систематическим умалением прав и свобод человека, как правило, низкий уровень жизни, но присутствует конституционная характеристика страны как “*правового государства*”.

В заключение хочется выразить надежду, что российское *общество* движется по правильному пути, ориентиром которого является *правовое демократическое государство*. Дабы избежать упрека в излишнем идеализме, вспомним проф. Н.В. Витрука, который, рассуждая о *праве, государстве*, любил обращаться к рассказу В.Г. Короленко “Огоньки”. Н.В. Витрук сравнивал с “огоньками” идею *правового государства*: “Свойство этих ночных огней – приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своей близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом – путь кончен... А между тем – далеко...”⁷⁴.

⁷⁴ Короленко В.Г. Рассказы и очерки. М., 1982. С. 294.